

2

Подходы к борьбе с коррупцией

Стандартное и наиболее широко употребляемое определение коррупции – это «злоупотребление доверенной властью с целью получения личной выгоды».¹ Еще одно распространенное определение – это «злоупотребление государственной властью для получения личной выгоды».² Эти сжатые рабочие определения описывают данное явление на микроуровне как сделку между двумя или несколькими сторонами.³ Однако такое видение проблемы является узким. Во-первых, коррупция распространена не только в государственных структурах, как следует из второго определения. Она встречается в экономической сфере, а также в негосударственных секторах и социальных группах. Во-вторых, злоупотребление доверенной властью может осуществляться не только в личных, но и в политических интересах, а также с целью получения коллективной выгоды третьей стороной, структурой, организацией или сектором, например, государственными службами безопасности, коммерческими организациями, политическими партиями, финансовыми структурами и профсоюзами. И наконец, такая концепция не объясняет, как работает коррупция. Это не просто совокупность отдельных сделок между взяточдателем (лицом, злоупотребляющим властью) и взяточполучателем (жертвой или сообщником в совершении незаконного действия).

Коррупция функционирует как система злоупотребления властью, которая включает в себя разнообразные виды взаимоотношений, некоторые из которых носят явный характер, а некоторые – скрытый, поэтому борцы с коррупцией придают особое значение прозрачности. Эта система основана на долгосрочных интересах, направленных на поддержание коррумпированного статуса-кво. Я предпочитаю следующее определение коррупции: это система злоупотребления доверенной властью для получения личной, коллективной или политической выгоды, часто предполагающая наличие сети сложных и

переплетающихся отношений, некоторые из которых носят явный характер, а некоторые – скрытый, основанная на прочных корыстных интересах и функционирующая вертикально в рамках какой-то структуры или горизонтально, переходя из политической в экономическую и социальную сферы внутри страны или на международном уровне.⁴

Коррупцию можно также рассматривать с точки зрения соблюдения прав человека,

то есть исходя из личного опыта обычных людей. С учетом этого фактора взяточничество представляется уже как форма угнетения и лишения свободы. Аруна Рой, одна из основателей Mazdoor Kisan Shakti Sangathan (МКСС, «Союз за расширение прав и возможностей рабочих и крестьян») и движения «За право на информацию» в Индии, характеризует коррупцию как «внешние проявления отказа в предоставлении права, привилегии, зарплаты, лечения».⁵

Недостатки подходов к борьбе с коррупцией по принципу «сверху вниз».

Сейчас, после двух с лишним десятилетий, дело глобальной борьбы с коррупцией, несомненно, сдвинулось с мертвой точки, однако реальные изменения выглядят скромными.⁶ Широкомасштабные государственные антикоррупционные программы, традиционно пользующиеся поддержкой стран-доноров и международных организаций, не достигают устойчивых результатов.⁷ Авторы литературного обзора примерно 150 исследований, в библиографиях которых указано около 800 источников, нашли лишь «незначительное количество успешных случаев долгосрочного воздействия усилий по борьбе с коррупцией, опиравшихся на донорскую поддержку».⁸ Не улучшилось и общественное мнение. Результаты исследования «Барометр мировой коррупции» за 2010 год, подготовленное Transparency International, показали, что, по мнению 60% опрошенных в 86 странах и территориях, за последние три года уровень коррупции вырос. 80% опрошенных заявили, что считают политические партии коррумпированными или очень коррумпированными, а, по мнению половины респондентов, попытки правительств их стран остановить коррупцию неэффективны. Опрос показал, что с 2006 года частота дачи взяток сотрудникам полиции выросла вдвое, а также по сравнению с 2005 годом выросло число респондентов, признавших в дачи взяток представителям органов судебной власти, служб регистрации и выдачи разрешений. Малоимущие респонденты в два раза чаще дают взятки с целью получения базовых услуг, чем более обеспеченные граждане.⁹

Для традиционных подходов к борьбе с коррупцией характерно наличие трех основных черт. Во-первых, они идут сверху вниз и иницируются элитой, а основное внимание уделяется взяточничеству в административном аппарате. Граждане и потенциал народной власти не учитываются. Во-вторых, они в значительной степени направлены на разработку норм, правил и схем, которые ложатся в основу законодательных актов; создание структур, как, например, антикоррупционных комиссий; повышение производительности правительства на федеральном и

местном уровне; заключение международных договоров и управление государственными финансами. По сути, эти подходы основаны в значительной степени на опыте промышленно развитых демократических стран Запада. Более того, некоторые специалисты в области управления утверждают, что попытки повысить эффективность управления основывались на оценочном суждении, что «на Западе все лучше», и что нужно исправлять недостатки, сопоставляя реальность с этим идеалом.¹⁰

В-третьих, в центре внимания находятся процессы. По мнению Дэниела Кауфманна, эксперта по вопросам развития, существует заблуждение о том, что

«бороться с коррупцией надо, борясь с коррупцией». Это подход претворяется в жизнь посредством бесконечных антикоррупционных инициатив, которые заключаются в формировании все большего числа комиссий и комитетов по этике и разработке новых или усовершенствованных законопроектов, кодексов поведения, указов, соглашений о честном поведении и прочих документов, от которых, как утверждает Кауфманн, мало толку.¹¹

Если смотреть через призму народовластия, становятся очевидными многочисленные недостатки технократических стратегий, иницируемых элитой. Во-первых, меры, идущие сверху вниз, основаны на заблуждении о том, что незаконная практика прекратится с введением антикоррупционных схем. Ответственность за проведение реформ часто возлагают на структуры, виновные в коррупции. Однако те, кто получает выгоду от взяточничества, с меньшей вероятностью выступят против коррупции, чем те, кто от нее страдает. Поэтому даже при наличии политической воли усилия могут быть заблокированы: не из-за недостатка политической воли, а из-за того, что слишком многим оказывается на руку сохранение коррумпированного статуса-кво. Во-вторых, этот антикоррупционный подход не принимает в расчет обычных людей ни как источников информации и глубокого понимания злоупотреблений и борьбы с ними по принципу «сверху вниз», ни в плане их опыта столкновения с коррупцией, ни как потенциальный фактор влияния на уровень подотчетности, благонадежности и возможный двигатель перемен. В-третьих, часто упускается из виду системный характер коррупции, и мало внимания уделяется коррупции в негосударственных секторах общества. Более того, пропагандировались стандартные модели, целью которых было точно воспроизвести зрелые бюрократические структуры стран Северного полушария. В итоге, такие подходы оказывают минимальное влияние на повседневную жизнь обычных людей.

Смена парадигм

Надо отдать им должное, за последнее десятилетие международные организации по борьбе с коррупцией и за развитие начали проводить серьезный пересмотр своих подходов, и в сфере борьбы с коррупцией и повышения уровня подотчетности наметилась историческая смена парадигм. Эти организации признали, что со взяточничеством невозможно полноценно бороться без активного участия граждан. По итогам прошедшей в 2010 году XIV Международной конференции по борьбе с коррупцией (IACC), являющейся лидером в этой области, была запущена серия новых интерактивных занятий на тему

расширения прав и возможностей людей для их полноценного участия в жизни общества.¹² В рамках занятий активисты демонстрировали инновационные методы использования информационно-коммуникационных технологий и рассказывали о низовых гражданских инициативах.¹³ В итоговой декларации, провидчески опубликованной за месяц до начала народной революции в Тунисе, говорилось: «Люди, наделенные расширенными правами и возможностями, способствуют переменам... Этот развернутый элемент нашей конференции указывает путь дальнейшего развития антикоррупционного движения, включающего в себя мобилизацию граждан и создание условий для их полноценного участия в жизни общества, а также привлечение молодежи».¹⁴

Общей темой XV Международной конференции по борьбе с коррупцией, прошедшей в 2012 году, стала «Мобилизация людей: установление связи между инициаторами перемен». Шесть приоритетных задач, указанных в стратегическом плане Transparency International на 2015 год, включают в себя человеческий фактор: «Улучшение условий для полноправного участия людей и партнеров по всему миру в жизни общества с целью противостояния коррупции. Задача состоит в работе с гораздо большим количеством людей, чем когда-либо в прошлом, поскольку в конечном итоге только люди могут остановить коррупцию».¹⁵ В апреле 2011 года Роберт Зеллик, который на тот момент являлся президентом Всемирного банка, наметил новый «социальный контракт развития», в котором говорилось о том, что «народ, наделенный широкими правами и возможностями, является основой более сильного общества, более эффективного правительства и более успешного государства»¹⁶, что стало серьезным шагом вперед в сфере развития. Следующий президент Всемирного банка Джим Ким еще раз подчеркнул эту задачу. Говоря о приоритетах своей организации в сфере борьбы с коррупцией, он сказал: «Мы должны снабдить людей необходимой информацией и инструментами, чтобы они могли добиться эффективности и подотчетности своих правительств».¹⁷

«Сверху вниз» и «снизу вверх» - две стороны одной медали

Подходы по принципу «сверху вниз» и «снизу вверх» не являются взаимоисключающими. Оба подхода нужны. Более того, низовые гражданские кампании и движения, реализуя народный потенциал, могут различными способами дополнять и подкреплять правовые и административные подходы, крайне важные для построения антикоррупционной инфраструктуры, необходимой для долгосрочного искоренения системы взяточничества. Ниже предложено несколько примеров.

Вертикальная коррупция

Инициативы народной власти могут пресечь вертикальную коррупцию внутри организации. «Национальный фонд в поддержку демократии и прав человека в Уганде» (NAFODU), низовая гражданская организация (ГО) на юго-западе страны, выступила инициатором мобилизации добровольцев на местном уровне с целью противостояния запугиванию и вымогательствам со стороны полиции (см. Главу 9).

Горизонтальная коррупция

Низовые гражданские кампании и движения могут оказывать воздействие на горизонтальную коррупцию, которая охватывает

различные структуры, организации и секторы. Молодежное движение Боснии и Герцеговины Dosta! («Хватит!») бросила вызов системной коррупции, сосредоточив свое внимание на скандале с участием премьер-министра одного из двух политических образований, а также бывшего премьер-министра, государственной компании, государственных ведомств, а позже еще и главы кантона Сараево, мэра Сараево и полиции (см. Главу 10). После того, как специализирующиеся на расследованиях журналисты написали о том, как

премьер-министр Мусульманско-хорватской федерации в составе Боснии Неджад Бранкович приобрел элитную квартиру примерно за \$500, активисты «Хватит!» запустили кампанию с использованием граффити, мобилизации через Фейсбук, шуточных надписей на футболках, плакатов на рекламных щитах и потока телефонных звонков в полицию. В итоге партия Бранковича вынудила его подать в отставку.¹⁸

Системный подход

Организованные, стратегические гражданские движения и кампании наилучшим образом отвечают требованиям системного подхода к борьбе с глубоко укоренившейся коррупцией и злоупотреблениями, оказывая давление на другие сектора и негосударственные источники взяточничества в обществе. Ненасильственное молодежное движение Addiopizzo («Прощай, дань!»), основанное в 2004 году в итальянском городе Палермо, борется с практикующейся мафией системой вымогательства (см. Главу 6). Движение делает это путем расширения сети бизнесов, отказывающихся платить «дань» (pizzo); вовлечения граждан в борьбу через простые, повседневные шаги, как, например, поддержку бизнесов, отказывающихся платить за «крышу»; привлечения государственной и международной поддержки инициатив, направленных на развитие не контролируемого мафией туризма; внедрения этических практик в сфере закупок; а также работы с учителями, школами и министерством образования с целью воспитать в следующем поколении уважение к порядочности и «антимафиозным» ценностям.

Применение

Хотя правила, предписания и законы, направленные против коррупции, существуют на бумаге, они не всегда применяются и довольно плохо выполняются. Эта проблема настолько серьезна, что в вышеупомянутом «Стратегическом плане на 2015 год», подготовленном Transparency International, структуры и законы упоминаются среди стратегических приоритетов. Первостепенное внимание в «Стратегии» уделяется «усовершенствованию применения антикоррупционных программ в ключевых структурах, коммерческих организациях и международной финансовой системе».¹⁹ Важной задачей является проследить за тем, чтобы стремление искоренить коррупцию выразалось в действиях, обеспечении выполнения обязательств и приносило результаты. Еще одним приоритетом является «более эффективное обеспечение соблюдения законов и стандартов по всему миру и повышение наказуемости за коррумпированные действия».²⁰ Важно создать справедливые правовые рамки, гарантирующие наказуемость

коррупцированного поведения.

Гражданское сопротивление может оказать необходимое для принятия подобных мер давление. Так, например, индийское движение 5th Pillar («Пятый столп») стратегически использует закон страны «О праве на информацию», побуждая граждан делать запросы о предоставлении информации (см. Главу 7). Задавая правильные вопросы, можно зарегистрировать неправомерное поведение и посредством этого привлечь чиновников к ответственности. Чтобы добиться наибольшего эффекта, активисты движения «Пятый столп» дополняют эту акцию другими тактическими приемами ненасильственной борьбы, организуя групповые занятия в городских центрах и деревнях, оказывая помощь в составлении

и подаче запросов о предоставлении информации, проводя «народные ревизии и аудиторские проверки» работ по возведению сооружений коммунального хозяйства, издавая брошюры, а также организуя шествия и обеспечивая поддержку желающим обратиться в Центральный комитет бдительности и в Отдел по борьбе с коррупцией Центрального бюро расследований.²¹

Мобилизованные граждане могут также играть роль во внедрении правовых или административных мер, особенно тех, которые стали результатом деятельности ненасильственных движений и кампаний. В анализе влияния спонсорского финансирования на отечественные общественные организации и движения отмечается: «Для обеспечения соблюдения законов может также потребоваться контроль за деятельностью правоохранительных органов. Для осуществления такого контроля общественным движениям нужно не просто присутствовать в коридорах власти и на международной арене, а иметь сильную низовую сеть активистов на местном уровне».²²

Защита

Гражданские кампании и движения могут также оказывать поддержку и защищать честных людей в государственных и иных структурах, делающих попытки что-то изменить. Зачастую одному человеку или небольшой группе реформаторов оказывается не по плечу противостояние или уничтожение укоренившейся, многогранной системы взяточничества и неподконтрольности. В 2009 году кампания СИСАК («Любишь Индонезию, люби Комиссию по искоренению коррупции») мобилизовала граждан страны с целью защитить индонезийскую «Комиссию по искоренению коррупции» (КРК) и добиться освобождения двух заместителей комиссара, несправедливо лишенных свободы (см. Главу 5). Активисты кампании использовали креативные ненасильственные тактические приемы, среди которых было создание группы в Facebook численностью 1,7 миллионов человек, проведение шуточных акций, использование в качестве рингтонов мелодии из песни про борьбу с коррупцией и уличные акции.

Динамика народной власти в борьбе с коррупцией и за повышение подотчетности

«Как показывает история, нет причин ожидать, что коррумпированные чиновники и политические лидеры сами исправятся».

— *Пьер Ланделл Миллс*

Некоторые исследователи гражданской активности и инициатив, направленных на повышение подотчетности, отмечают отсутствие теорий перемен в своей области исследований.²³ Динамика

гражданского сопротивления и народной власти обеспечивает концептуальную базу, которая позволяет заполнить этот пробел. Низовые кампании и движения по своей природе возникают в гражданской среде и предусматривают участие обычных людей, объединенных общими поводами для недовольства, общими целями и требованиями.

Мобилизованные граждане, действующие ненасильственными методами, становятся общественной силой, которая может оказывать давление на государственную власть и другие секторы общества. Это давление возникает за пределами структуры или коррумпированной системы, которые, как правило, не способны самореформироваться, поскольку лица, получающие выгоду от взяточничества и злоупотреблений, обходят технократические меры и срывают политические попытки изменить ситуацию.

В этом заключается стратегическое преимущество ненасильственного сопротивления в деле борьбы с коррупцией: оно подразумевает использование экстраинституциональных методов достижения перемен в ситуации, когда те, в чьих руках находится власть, коррумпированны и неподотчетны, а официальные каналы блокируются или не являются эффективными.²⁴ Мобилизованные граждане, вовлеченные в организованные кампании и движения, способствуют возникновению народной власти посредством трех механизмов. *Дестабилизация* статуса-кво или обычного функционирования коррумпированных систем подрывает корыстные отношения и ослабляет лиц, потакающих коррупции. Деятельность последних связана с законами, практиками и профессиональными услугами, облегчающими совершение неправомерных действий. Следовательно нет необходимости выявлять и наказывать виновных в каждой отдельно взятой незаконной сделке, что в любом случае невозможно, поскольку коррумпированные отношения носят преимущественно скрытый характер и мало кто из виновных в злоупотреблении властью будет готов добровольно отказаться от своей личной выгоды и прибыли. Стратегии, используемые гражданским сопротивлением для дестабилизации существующего порядка, разрушают систему и создают условия, при которых вести дела, как ни в чем не бывало, становится трудно и рискованно. Организация MUHURI («Мусульмане за права человека») в городе Момбаса Республики Кения создает возможности для малоимущих групп населения бороться с бедностью посредством пресечения неправомерного использования средств на развитие избирательных округов, ежегодно выделяемых в размере около 1 млн. долларов на каждого члена парламента (см. Главу 10). MUHURI обучает и готовит местное население к проведению шестиступенчатого социального аудита с целью контроля за использованием средств и проведением общественных работ посредством ненасильственных методов, таких как уличный театр и марши, направленных на привлечение поддержки, мобилизацию граждан и сбор информации.²⁵

Вовлечение людей предполагает привлечение к кампании или движению как представителей общества в целом, так и различных его секторов, организаций, учреждений и элит, в том числе изнутри

коррупцированных систем (например, политических лидеров, борцов за профессиональную добросовестность и честных чиновников). В сфере гражданского сопротивления эту динамику часто описывают как смещение лояльности в сторону ненасильственной гражданской инициативы, что приводит к «перебежкам», то есть отказу отдельных лиц или групп внутри коррупцированной системы продолжать ее поддерживать. Динамика вовлечения основывается на том, что в реальности не все одинаково лояльны, в одинаковой мере подвержены влиянию коррупции и одинаково тесно связаны с коррупцированной системой.

Стратегии вовлечения повышают гражданское участие и потенциал кампаний, одновременно ослабляя источники поддержки и контроля неподотчетного и коррупцированного руководства, структур и тех, кто им попустительствует. Деятельность вышеупомянутого «Национального фонда в поддержку демократии и прав человека в Уганде» (NAFODU)

иллюстрирует этот процесс. Посредством убеждения местных волонтеров и граждан сообщать о случаях взяточничества в полиции способами, не представляющими высокого риска: звоня на радио или посылая текстовые сообщения, – фонду удалось пошатнуть преступную систему и вызвать общественное давление. Одновременно с этим фонд ставил перед собой стратегическую задачу привлечения на сторону общества представителей правоохранительных органов, например, путем подписания протокола о взаимопонимании с чиновниками и проведения на местном уровне обучения на тему профессиональной этики. В результате поразительных изменений в соотношении сил сотрудники полиции начали высказывать свои собственные недовольства и обратились за помощью к NAFODU и гражданам, прося озвучить их претензии и сформулировать рекомендации для правительства.²⁶

У вовлечения существует и другое направление – объединение усилий с «системными активистами». Эти представители руководства государственных (а возможно и негосударственных) структур, действуя в чем-то аналогично с борцами за профессиональную добросовестность, «самостоятельно берутся за дела, перекликающиеся с делами низовых активистов».²⁷ Они часто занимаются своей системной активистской деятельностью независимо от гражданского общества. Они имеют доступ к официальным источникам и могут влиять на выработку и проведение политики.²⁸ В некоторых случаях это делает их ценными союзниками в борьбе с коррупцией и за повышение подотчетности, и поэтому чрезвычайно важно применять в их отношении тактику вовлечения. Задача состоит не в том, чтобы повлиять на положение таких «системных активистов» или убедить их стать перебежчиками, то есть выйти из системы или порвать с ней. Ненасильственным кампаниям и движениям стоит, скорее, действовать с ними сообща, чтобы усилить внутреннее давление, осуществляемое сверху вниз, и внешнее – снизу вверх.

Изменение соотношения сил благодаря численному превосходству – это третий механизм пробуждения народной власти. Широкомасштабное, относительно площадки, на которой идет борьба, участие населения – от местного уровня, до национального и даже международного – может создать настолько сильное общественное давление, что его будет сложно устранить или игнорировать. Иначе говоря, «Когда о несправедливости говорит один человек – это шепот. Когда говорят двое – это разговор. Когда о несправедливости говорят многие, они становятся голосом, который будет услышан».²⁹ Стратегии, направленные на повышение численности участников борьбы, могут повлиять на лояльность руководства и укрепить позиции добросовестных сторонников перемен внутри

коррупцированной системы, на которых системе сложнее будет оказывать давление, потому что они не будут больше действовать в одиночку. В 1996 году Турция находилась во власти действовавшей в масштабах всей страны организованной преступной группировки, в которую входили военизированные формирования, мафия, наркоторговцы, государственные чиновники, члены парламента, представители бизнеса, некоторые судебные органы и СМИ. Несмотря на полуавторитарный режим и ограниченное публичное пространство для выражения несогласия, созданная в 1997 году «Гражданская инициатива за вечный свет» мобилизовала общество для участия в неопасной массовой акции под названием «Минута темноты ради вечного света» (см. Главу 10). Кампания, начавшаяся с

скоординированного выключения света, вскоре приобрела масштабный характер благодаря неожиданному выходу огромного количества людей на улицу. На пике кампании в ней приняли участие около 30 млн человек, что вынудило правительство начать судебные расследования, закончившиеся приговорами и разоблачением представителей криминальной группировки и неправомερных связей.

Тактические приемы народной власти

Ненасильственные тактические приемы представляют собой способы гражданского сопротивления, способные пробудить народный потенциал. Низовые гражданские инициативы, направленные на борьбу с коррупцией, значительно расширили репертуар гражданского сопротивления благодаря введению новаторских тактических приемов и креативному подходу к традиционным методам борьбы (полный перечень широкого диапазона тактических приемов, использованных в 12 рассматриваемых случаях, можно найти в приложении). В число этих тактических приемов входит:

- Отказ от сотрудничества.
- Гражданское неповиновение.
- Массовые акции, носящие низкий уровень риска.
- Демонстрация символов.
- Уличный театр, визуальная инсценировка, эффектные акции.
- Песни, стихи и другие формы культурного самовыражения.
- Юмор, создание цугцванга для противника.
- «Черные списки» кандидатов.
- Сбор информации, реализация права на доступ к информации.
- Мониторинг чиновников, структур, бюджетов, расходов, государственных услуг, реализации проектов развития.³⁰
- Социальные аудиты и форумы «Лицом к лицу с народом».
- «Цифровое» сопротивление посредством технологий социальных сетей (например, посты в Facebook, ведение блогов, рассылка текстовых сообщений, интернет-петиции, твиты).³¹
- Обучение и подготовка.
- Инициативы, направленные на расширение социальных и экономических возможностей.
- Развлечения и отдых молодежи.
- Создание параллельных институтов.
- Обещания бороться с коррупцией, спонсируемые гражданским обществом награды за добросовестность.
- Протесты, петиции, пикеты, марши, сидячие забастовки.
- Забастовки, бойкоты, ответные бойкоты.³²
- Ненасильственное блокирование.

- Ненасильственное сопровождение.

Как граждане борются с коррупцией? Как проявляется народная власть? Каковы результаты? В этой книге предлагается глубокий анализ кампаний и движений

как на национальном, так и на местном уровне. В 3 и 4 Главах рассматриваются низовые инициативы национального масштаба, направленные на борьбу с коррупцией в политических кругах Южной Кореи и Бразилии. Злоупотребление властью политическими партиями, элитами и законодателями – обычное явление во всем мире. Как говорится в вышеупомянутом исследовании «Барометр мировой коррупции» за 2010 год, 80% опрошенных граждан считают политические партии коррумпированными. В отчете по странам Европы, подготовленном Transparency International в 2012 году, сказано: «Общественное недовольство коррупцией вывело людей на улицы этих и других европейских стран выступать против сочетания политической коррупции с кажущимися несправедливо жесткими мерами по отношению к обычным гражданам.»³³ А проведенный в 2013 год опрос американских избирателей показал, что 85% опрошенных имеют неблагоприятное мнение об американском Конгрессе. На вопрос, к чему они относятся лучше при выборе между Конгрессом и разными неприятными вещами, респонденты ответили, что они более позитивно смотрят на удаление зубного нерва, колоноскопию, вшей и тараканов, – и это только несколько примеров – чем на Конгресс.³⁴ Для сравнения, Южная Корея и Бразилия служат вдохновляющими примерами того, как от гнева и отсутствия интереса к политическому процессу можно прийти к ненасильственной борьбе за расширение прав и возможностей граждан и позитивным переменам.

Ссылки

1. «Что мы делаем», веб-сайт Transparency International, <http://www.transparency.org> (был посещен 16 сентября 2013г.).
2. «Десять мифов о государственном управлении и коррупции», Дэниел Кауфманн, *Finance and Development*, сентябрь 2005 г., 41, www.imf.org.
3. Краткое описание традиционных разновидностей коррупции можно найти в «Справочнике ООН по практическим мерам борьбы с коррупцией для прокуроров и следователей» (Управление ООН по наркотикам и преступности, Вена, 2004 г.), 23–30, www.unodc.org.
4. Это всеобъемлющее определение было сформулировано автором под влиянием идей, высказанных Марией Гонсалес де Асис из Всемирного Банка в ее неопубликованном рабочем докладе.
5. «Выживание и право на информацию», Аруна Рой (Третья мемориальная лекция, посвященная памяти Гулама Расула, Форум свободы слова, Хайдарабад, Индия, дата не указана), 11, www.unipune.ac.in.
6. «Устанавливая связь между коррупцией и правами человека» (International Council on Human Rights Policy and Transparency International, Женева, 2009 г.).
7. «Разработка антикоррупционной политики на практике. Потенциальные последствия реализации UNCAC», Карен Хуссманн и Ханнес Хехлер, *U4 Brief*, январь 2008г., 1, www.cmi.no/publications.
8. *Подходы к борьбе с коррупцией. Обзор литературы.* (Норвежское

9. *Барометр мировой коррупции* (Transparency International, Берлин, 2010 г.), www.transparency.org.

10. «Перевернутый взгляд на управление», Сью Ансуорф (Институт по изучению проблем развития при Университете Сассекса, Брайтон, апрель 2010 г.).

11. «Десять мифов о государственном управлении и коррупции», Дэниел Кауфманн.

12. Оговорка: я выполнял несколько ролей во время XIV и XV Международных конференций по борьбе с коррупцией (ИАСС).

13. «Меняя правила игры», XIV Международная конференция по борьбе с коррупцией, <http://14iacc.org>.

14. «Банковская декларация: восстановление утраченного доверия», XIV Международная конференция по борьбе с коррупцией, 13 ноября, 2010 г., <http://14iacc.org>.

15. «Стратегия 2015», Transparency International, 16, www.transparency.org.

16. «Ближний Восток и Северная Африка: новый социальный контракт развития», Роберт Зеллик (речь, прочитанная в Институте мировой экономики Петерсона, Вашингтон, Округ Колумбия, 6 апреля, 2011 г.), <http://web.worldbank.org>.

17. «Коррупция – это «главный враг народа» в развивающихся странах», заявил Президент Всемирного банка Ким», пресс-релиз Всемирного банка, 19 декабря 2013 г., www.worldbank.org.

18. Дарко Бркан, один из основателей Dosta!, апрель 2011 г., взято из частной беседы с автором.

19. «Стратегия 2015», 18.

20. *Ibid.*, 20.

21. «Люди имеют значение: как гражданская активность и действие бросают вызов коррупции и злоупотреблениям», Шаазка Бейерле (работа, представленная на конференции Международной ассоциации по изучению проблем мира, Сидней, Австралия, 8 июля 2010 г.).

22. «Финансирование гражданского потенциала: Как международная помощь НПО и общественным движениям развивающихся стран негативно влияет на низовую мобилизацию», Рита Джалали, *Sociology Compass* 7, №1 (2013 г.): 67.

23. «Оценка влияния и эффективности инициатив по повышению прозрачности и подотчетности. Обобщающий доклад», Розмари МакГи и Джон Гавента, а также Грег Барретт, Ричард Калланд, Рут Карлитц, Анурадха Джоши и Андрес Мехиа Акоста (работа подготовлена для семинара на тему инициатив по повышению прозрачности и подотчетности, проходившем 14-15 октября 2010 года в Институте по изучению проблем развития при Университете Сассекса), www.ids.ac.uk.

24. Эта концепция основана на толковании общественных движений Куртом Шоком, «Народная власть и альтернативная политика», *Politics in the Developing World*, 30е изд., под ред. Питера Бернелла, Вики Рэндалл и Лизе Ракнер (Oxford University Press, Лондон, 2008 г.), 202–219.

25. Социальные аудиты – это форма мониторинга, состоящая из нескольких последовательных шагов, таких как сбор информации, обучение граждан понимать смысл документов и финансовых смет, контроль за расходованием средств и физическая проверка строительства общественных сооружений, обучение и мобилизация местного населения, открытые слушания с участием официальных лиц и последующий гражданский контроль.

26. Джоселин Коругендо, бывшая директор отдела программ NAFODU, март-апрель 2011 г., взято из частной беседы с автором.

27. «Системный активизм. Пересмотр дихотомии «инсайдер-

Подходы к борьбе с коррупцией 45
аутсайдер»», Дэвид Петтиниккио, *Sociology Compass* 6, № 6 (2012г.):
499.

28. Ibid.

29. Эта цитата без указания автора взята из видео презентации, опубликованной на главной странице www.civicus.org в 2006 году. CIVICUS – это международный альянс гражданских организаций.

30. Мониторинг – это тактический прием, используемый гражданскими лицами, включая обычных граждан, в сферах борьбы с коррупцией, за повышение подотчетности, управления, защиты прав человека и окружающей среды. Он может включать в себя наблюдение, документирование, проверку корректности, сравнение, надзор, ревизию и инспекцию. В случае борьбы с коррупцией эти действия нацелены на людей (например, кандидатов на участие в выборах, законодателей, государственных лидеров, должностных лиц, государственных служащих, поставщиков социальных услуг и полицию); структуры (парламент, государственные органы, государственные ведомства, судебные органы, службы государственной безопасности, муниципалитеты, корпорации, университеты, школы и больницы); политику (например, снижение уровня бедности, образование и добыча полезных ископаемых); бюджет и освоение средств, государственные программы, социальные услуги, строительство общественных сооружений, методы и последствия осуществления закупок; а также проекты социального и экономического развития, проводимые правительством или внешними действующими лицами. Мониторинг может носить открытый характер (например, общественный аудит или инспекция на объекте) или анонимный (например, видео, снятые на телефон, или СМС сообщения с информацией о взяточничестве должностными лицами или сотрудниками полиции). Эффективный мониторинг создает общественное давление и разрушает корыстные отношения внутри систем коррупции и злоупотреблений.

31. Ненасильственные тактические приемы, осуществляемые в цифровом формате. Например, интернет-петиции, мониторинг через интернет или текстовые сообщения, СМС-голосования и использование символических рингтонов на мобильных телефонах.

32. Ответные бойкоты имеют место, когда потребители поддерживают или становятся постоянными клиентами конкретных коммерческих предприятий или заведений.

33. *Деньги, политика, власть – риски коррупции в Европе*, Сюзан Малкахи (Transparency International, Берлин, 2012 г.), 9.

34. «Конгресс менее популярен, чем тараканы и дорожные пробки», *Public Policy Polling*, 8 января, 2013 г., www.publicpolicypolling.com.